

щество» к реальности, игнорировать которую нельзя. О.Н. Горохова полагает возможным введение понятия «виртуальное имущество» в правовое поле, что позволит противодействовать киберпреступности. А.И. Савельев видит необходимым выработку специальных норм в отношении виртуальных объектов. Имеющиеся правовые воззрения на проблему «виртуального имущества» свидетельствуют о его значимости, необходимости разработки правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Наиболее сложная проблема данной сферы общественных отношений заключается в формировании понятийного аппарата. Отдельные авторы «виртуальное имущество» рассматривают в качестве фикции (А. Абдуджалилов). Термин «виртуальное имущество» сегодня нельзя назвать устоявшимся и нормативно определенным, однако его применение в целом формирует понимание о соответствующем объекте. В то же время современные юристы используют иную инновационную терминологию: «цифровые объекты виртуальных миров», «цифровые активы», «цифровое имущество», «нематериальные объекты, составляющие цифровое имущество и имеющие виртуальное происхождение» и др. В правоприменительной практике также используются синонимичные с «виртуальным имуществом» термины: «виртуальная собственность», «игровые объекты» и т. д., что создает правовую неопределенность и проблемы правоприменения.

В белорусском законодательстве понятие «виртуальное имущество» не раскрыто. Попытки его определения встречаются в юридической литературе (Н.В. Гаразовская, С.М. Нагареш, М.А. Рожкова, Д.С. Четвергов и др.). В основном авторы относят к «виртуальному имуществу» объекты «виртуального мира», не связанные с реальным миром, находящиеся в обладании различных субъектов и имеющие потенциальную экономическую ценность.

В настоящее время в современной правовой доктрине выработано два подхода, позволяющих классифицировать имущество как виртуальное. Согласно первому широкому подходу к «виртуальному имуществу» относят социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры (MMORPG или массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра), блокчейн, криптовалюту, токены, игровое имущество и др. (М.А. Рожкова, Д.С. Четвергов и др.). Согласно второму подходу к классификации «виртуального имущества» последнее рассматривается исключительно в понимании «виртуального игрового имущества».

В сфере реализации «виртуального имущества» в гражданском обороте проблемными также видятся следующие вопросы: соотношение понятий «виртуальное» и «цифровое имущество», определение правового «режима виртуального имущества», включение его в систему объектов гражданских прав. Сегодня в судебной практике суды относят к объектам оборота «цифровые активы» и распространяют на них правовой режим вещи. В то же время отдельные авторы, принимая во внимание специфику «виртуального имущества», возражают против распространения вещного режима на «игровые объекты» (Т.С. Смирнова). Считаем также неверной квалификацию возникших правоотношений, связанных с «виртуальным имуществом», таких как игры и пари. Подобная позиция в правовой доктрине – превалирующая.

Для определения правовой природы «виртуального имущества» важное значение имеет его соотношение с объектами интеллектуальной собственности. Высказанную позицию, согласно которой «виртуальное имущество» нельзя отнести к объектам интеллектуальной собственности, считаем недостаточно обоснованной. В то же время в правовой доктрине сформирован иной подход, в силу которого «виртуальное имущество» может относиться как к объектам авторского права, так и к имуществу (И.В. Кириченко). Спорность правовых взглядов подчеркивает неоднозначность правовой природы «виртуального имущества».

Следует обратить внимание на значимую проблему, связанную с доступностью и использованием «виртуального имущества» после смерти его правообладателя. Особенно актуальна реализация возможности наследования «виртуального имущества»: социальных сетей, аккаунтов, онлайн-счетов, различного «игрового имущества» и др. Определение судьбы названных объектов после смерти их правообладателей позволит исключить возможную спорность и упорядочить взаимодействие субъектов гражданских правоотношений.

Таким образом, в настоящее время объективно необходимо совершенствование правового регулирования, позволяющего обеспечить правовую защиту владения «виртуальным имуществом», что позволит последнему занять достойное место в системе объектов гражданских прав. Использование «виртуального имущества» в гражданском обороте должно быть логичным и стандартизированным, не порождать проблем правоприменения и неопределенность в оборотоспособности. Наиболее перспективное направление в сфере правового регулирования «виртуального имущества» – разработка и определение собирательного термина «виртуальное имущество» с включением в него примерного перечня возможных видов такого имущества. Гражданский кодекс Республики Беларусь при этом не требует корректировки, поскольку используемая в ст. 128 правовая конструкция «иное имущество» позволяет включать «виртуальное имущество» в систему объектов гражданских прав. Представляется целесообразным выработать специальный закон о «виртуальном имуществе» с определением необходимой терминологии, уточнением правового режима подобных объектов и их оборотоспособности. Возможные ограничения оборотоспособности должны быть минимальны и обусловлены необходимостью обеспечения общественной безопасности, защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства.

УДК 347.4

И.Н. Яхновец

МЕСТО УДЕРЖАНИЯ ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Основным и наиболее часто встречающимся способом прекращения обязательств является их надлежащее исполнение. Однако это происходит не всегда и для того чтобы стороны не нарушали принятые на себя обязательства, законодательством предусмотрены способы обеспечения их надлежащего исполнения. С этой целью в п. 1 ст. 310 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплены следующие способы обеспечения исполнения обязательств: неустойка, залог, удержание

имущества должника, поручительство, гарантия, банковская гарантия, задаток. Следует отметить, что это не исчерпывающий перечень способов обеспечения исполнения обязательств, так как в указанной статье закреплено, что обязательства могут обеспечиваться и другими способами, предусмотренными законодательством или договором.

Удержание является одним из распространенных способов обеспечения исполнения обязательства. Однако данному способу посвящена только одна статья в ГК. В п. 1 ст. 340 ГК предусмотрено, что кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику, вправе удерживать ее до тех пор, пока должником не будет исполнено в срок обязательство по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков. Как следует из содержания указанной статьи, законодатель не закрепил четкого определения удержания как способа обеспечения исполнения обязательств. Однако, исходя из сути п. 1 ст. 340 ГК, можно сделать вывод, что удержание представляет собой субъективное право кредитора, у которого находится чужая вещь, не передавать ее должнику до тех пор, пока последний надлежащим образом не исполнит его обязательства и не возместит кредитору понесенные им издержки и убытки.

Для более точного определения отличительных черт, присущих удержанию, полагаем целесообразным провести его разграничение с наиболее сходным способом обеспечения исполнения обязательств – залогом. Согласно п. 1 ст. 315 ГК кредитор по обеспеченному залогом обязательству имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество. Возможно отступление от данного правила в случаях, предусмотренных законодательными актами. Приведенное определение залога позволяет выявить ряд сходных и отличительных черт с удержанием.

Определяя общие черты, присущие залогом и удержанию, стоит особо уделить внимание самому смыслу удержания имущества и залога. Полагаем, что в обоих случаях он состоит в отстранении собственника от владения и пользования вещью. Это отстранение должно способствовать скорейшему исполнению обязательства должником перед кредитором в целях возврата ему имущества. Кроме этого, при залоге и удержании кредитору предоставлена возможность получить удовлетворение своих требований из стоимости удерживаемой или заложенной вещи. Следует отметить также акцессорный характер рассматриваемых способов обеспечения исполнения обязательств, т. е. на них распространяются положения п. 3 ст. 310 ГК, согласно которому недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства.

Исходя из положений законодательства об удержании и залоге, можно выделить их основные отличительные черты. Полагаем, что основными критериями, которые позволяют провести разграничение, являются предмет, форма совершения и момент возникновения права использовать тот или иной способ обеспечения исполнения обязательства. Остановимся более подробно на каждом из этих критериев. При удержании речь идет только о вещах, а при залоге – о любом имуществе, в том числе о вещах и имущественных правах (требованиях), кроме тех, которые указаны в ст. 317 ГК. При удержании форма договора определяется непосредственно исходя из требований законодательства, а при залоге форма обязательно письменная. В определенных случаях также требуется нотариальное удостоверение или государственная регистрация. Право на удержание возникает при неисполнении должником в срок обязательства по оплате вещи или возмещению произведенных кредитorem издержек или понесенных убытков. Стоит отметить, что непосредственного соглашения сторон о его применении не требуется. Момент возникновения права на залог детально регламентирован в ст. 322 ГК. Так, право залога возникает с момента заключения договора о залоге. В отношении залога имущества, которое подлежит передаче залогодержателю, оно возникает с момента передачи этого имущества, если иное не предусмотрено договором о залоге. В случаях если необходима регистрация договора – с момента регистрации договора. Если предмет залога является имуществом, которое только в будущем будет создано (приобретено) залогодателем, то право залога возникает у залогодержателя с момента создания (приобретения) залогодателем этого имущества. Однако законодательством или договором о залоге может быть предусмотрено, что оно возникает в иной срок.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, несмотря на ряд сходных черт с залогом, удержание является самостоятельным способом обеспечения исполнения обязательств, имеющим собственный механизм и условия применения. Право удержания по своей природе является субъективным правом и призвано побуждать должника к своевременному и надлежащему исполнению обязательства под риском наступления негативных для него последствий. Например, удовлетворение кредитором своих требований из стоимости удерживаемой вещи. Полагаем, что отсутствие в ГК четкого определения удержания может повлечь неоднозначное толкование возможности его применения, а также смешение с залогом. Для исключения возможности возникновения этой ситуации представляется целесообразным конкретизировать определение удержания как способа обеспечения исполнения обязательств. Так, под удержанием следует понимать субъективное право кредитора, у которого находится чужая вещь, не передавать ее должнику до тех пор, пока последний надлежащим образом не исполнит обязательства и не возместит кредитору понесенные им издержки и убытки.

Следует отметить, что, обладая правом на удержание имущества, существует риск того, что кредитор может злоупотреблять своими правами, завышая размер произведенных расходов, связанных с вещью, либо неправомерно удерживать находящееся у него имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Осуществляя защиту собственности от противоправных посягательств и от неправомерного изъятия и удержания имущества, органы внутренних дел должны учитывать возможность совершения мошеннических действий со стороны кредитора.